

ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. Н. ЛОБОЙКО В ЛИТВЕ

И. ЛЕБЕНКА

После третьего раздела Речи Посполитой и присоединения Литвы к более развитой в экономическом отношении Российской империи, в литовских губерниях стали быстрее развиваться капиталистические отношения, наука и культура. Особенно важным событием в культурной жизни литовского народа начала XIX в. было открытие в 1803 году Вильнюсского (Виленского) университета, который в 20-х годах того же столетия стал одним из крупных научных центров не только в России, но и в Европе. В стенах этого университета большую научную деятельность развернули такие выдающиеся ученые, как Иоахим Лелевель, братья Снядецкие и др. В своей научно-педагогической деятельности многие профессора и преподаватели Вильнюсского университета распространяли вольнолюбивые, демократические идеи и этим положительно влияли на студентов и общественность Литвы. Поэтому не случайно в Вильнюсе уже в 1817 г. возникло тайное общество филематов, по своему идейному направлению близкое к декабристам. В Вильнюсском университете обучались представители литовской национальной интеллигенции (С. Валунас, С. Станявичюс, Кай. Незабитаускас, С. Даукантас и др.), которые сыграли немалую роль в развитии культуры литовского народа. В числе известных ученых Вильнюсского университета и деятелей культуры Литвы 20—30-х годов прошлого столетия был и украинец, профессор Иван Николаевич Лобойко, научная деятельность которого в высших учебных заведениях Вильнюса продолжалась около двадцати лет.

Необходимо отметить, что научно-педагогическая работа И. Лобойко в вузах Вильнюса, а также его роль во время следствия по делу филематов и филаретов необъективно освещались польскими буржуазными историками¹. Отдельные же польские историографы довоенного периода не только старались обойти молчанием положительные моменты общественно-научной деятельности И. Лобойко в Вильнюсе, но и незаслуженно клеветали на него. Так, например, Л. Яновский говорит, что И. Лобойко будто бы занимался доносами, был бездарным и ограниченным профессором². Одни из польских историков прошлого (напр., Ю. Белинский) не совсем правильно оценивали И. Лобойко, по-видимому, потому, что недостаточно знали о нем; другие же (Л. Яновский)

¹ J. Bieliński, Uniwersytet Wileński, t. III, Kraków, 1899—1900, str. 254; „Jan Łobojko”. — Wielka Encyklopedia Ilustrowana Powszechna, t. 45—46, Warszawa, 1911, str. 10; L. Janowski, Słownik bio-bibliograficzny dawnego Uniwersytetu Wileńskiego, Wilno, 1939.

² L. Janowski, W promieniach Wilna i Krzemieńca, Wilno, 1923, str. 29, 107, 108.

подходили к оценке И. Лобойко с шовинистических позиций и питали к нему ненависть только за то, что он не был поляком. Так как этот профессор прибыл из Петербурга и преподавал русскую литературу, то, по их понятиям, он занимался «русификацией».

Более объективно оценивали И. Лобойко литовские историографы досоветского периода. Его научно-педагогическую деятельность в Вильнюсе, а также его связи с литовскими писателями и деятелями культуры впервые довольно обстоятельно осветил В. Мацюнас³. Некоторые данные о И. Лобойко имеются и у М. Биржишки⁴.

После второй мировой войны общественно-политическая деятельность И. Лобойко в Вильнюсе, его связи с А. Мицкевичем и его роль посредника между петербургскими декабристами и вильнюсскими филаретами получили весьма широкое и глубоко аргументированное освещение в трудах известного историка Народной Польши Самуэля Фишмана, который вполне обоснованно считает И. Лобойко представителем «другой, демократической России»⁵.

Хотя С. Фишман, изучая архив И. Лобойко, хранящийся в Институте русской литературы АН СССР (в Пушкинском Доме), специально и не интересовался его научными трудами, однако они обратили на себя внимание исследователя. С. Фишман выражает сомнение по поводу утверждений Л. Яновского, будто И. Лобойко не был талантливым ученым⁶.

Научная деятельность И. Лобойко в Литве более широко освещена в трудах литовских советских ученых. Марксистская оценка этой деятельности впервые была дана Ю. Лебедисом⁷. В I-ом томе «Истории литовской литературы» И. Лобойко отнесен к плеяде наиболее известных ученых Вильнюсского университета XIX в. В упомянутом труде подчеркивается также интерес И. Лобойко к литовскому фольклору и к литовской этнографии⁸. Большой вклад в советскую историографию о И. Лобойко внесен также литовским языковедом А. Каупуж⁹.

Автор предлагаемой статьи попытался изучить и оценить те моменты жизни и научной деятельности И. Лобойко в Литве, которые в вышеупомянутых работах не были затронуты или же не получили достаточного освещения.

1. Идеино-политические и литературные позиции И. Лобойко во время движения декабристов

Иван Николаевич Лобойко родился 21 июля 1786 г.¹⁰ в Харьковской губернии. В Харьковский университет поступил в 1804 году,

³ V. Maciūnas, *Lituanistinis sąjūdis XIX a. pradžioje*, K., 1939, p. 201, 202 ir kt.

⁴ M. Biržiška, *Iš mūsų kultūros ir literatūros istorijos*, t. II, K., 1938, p. 182—184.

⁵ S. Fiszman, *Pobyt Mickiewicza w Rosji w swietle dokumentów*.—Kn.: *Mickiewicz w Rosji*, Warszawa, 1949; *Wspomnienia Iwana Łobojki o procesie filaretów*.—„Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego“, 1953, Nr. 2—3; *Z problematyki pobytu Adama Mickiewicza w Rosji*.—„Kwartalnik...“, 1956, Nr. 1; *Archiwalia mickiewiczowskie*, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962.

⁶ S. Fiszman, *Wspomnienia Iwana Łobojki o procesie filaretów*.—„Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego“, 1953, Nr. 2—3, str. 112.

⁷ J. Lebedys, *Simonas Stanevičius*, V., 1955, p. 106—109.

⁸ *Lietuvių literatūros istorija*, t. I, V., 1957, p. 316, 317, 320, 376.

⁹ А. Каупуж, *Вклад И. Н. Лобойко в развитие русско-польско-литовских культурных связей в первой четверти XIX века*.—«Языкознание», т. VII, Вильнюс, 1963, стр. 45—61; А. Каупуж, *Некоторые дополнительные сведения о литовских деятелях культуры начала XIX века в письмах проф. русской словесности Виленского университета И. Н. Лобойко*.—«Литература», т. VI, Вильнюс, 1963, стр. 207—222.

¹⁰ Дата рождения И. Н. Лобойко приблизительно. В своей «Автобиографии» он пишет, что перед кончиной матери он спрашивал, не помнит ли она, когда он родился.

т. е. в год его основания. После окончания университета в 1810 г. работал учителем логики, психологии и словесности в Новгород-Северской гимназии, а затем — учителем немецкого языка в старших классах Харьковской гимназии. В 1815 году находился на службе в Царстве Польском; здесь под руководством польского лексикографа С. Линде он занимался сравнительным изучением славянских языков. Из Польши И. Лобойко переехал в Петербург, где работал в Департаменте имуществ и одновременно преподавал в Военно-учительском институте. Кроме того, владея многими европейскими и древними языками, работал переводчиком учебных книг в специальной комиссии, возглавляемой Аракчеевым¹¹.

Во время двухлетнего пребывания в Петербурге известного датского языковеда Расмуса Кристиана Раска И. Лобойко под его руководством изучил датский язык, а также языки и литературу скандинавских народов, в результате чего написал и в 1821 г. опубликовал в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» свой научный труд «Взгляд на древнюю словесность скандинавского севера». В следующем году эта его работа была переведена А. Глебовичем на польский язык и издана в Вильнюсе¹².

Этот небольшой по своему объему труд свидетельствует о высокой лингвистической и фольклористической эрудиции его автора. И. Лобойко хорошо знал сборники скандинавских мифологических и героических песен — эдды «Сэмунда» и «Снорра», исландский героический эпос в прозе — саги, скандинавские сборники древних законов, карело-финские руны и песни скандинавских скальдов, народные песни и пословицы скандинавских народов. Следует отметить прогрессивный взгляд автора на народное творчество, как на зеркало, в котором отражается «вся жизнь и быт» народа, как на «предмет, являющийся гордостью народа»¹³. Упомянутая работа И. Лобойко, переведенная на польский язык и изданная в Литве, безусловно оказала определенное влияние на студенчество Вильнюсского университета; она явилась одним из тех факторов, которые привлекали образованную молодежь Литвы к изучению истории и творчества своего народа.

И. Лобойко не был революционером, но отличался вольнодумием. Он никогда не вступал в союз с царским деспотизмом и аракеевской реакцией. Значительную роль в формировании мировоззрения и общественно-политических взглядов И. Лобойко сыграли, несомненно, его пребывание и деятельность в Петербурге в 1816—1821 гг., его знакомство с рядом выдающихся членов будущего «Северного общества» декабристов.

О близких отношениях И. Лобойко с прогрессивными лицами говорит уже тот факт, что в будущий филиал «Северного общества» декабристов — «Вольное общество любителей российской словесности», основанное в Петербурге 17 января 1816 г., он был принят сотрудником 23 мая того же года. Действительным членом общества он стал через два года¹⁴. Как известно, членами «Вольного общества» были такие известные в будущем декабристы, как К. Рылеев, Ф. Глинка, Николай

Мать ему ответила: «На другой день Ильи-пророка и год спустя после того, как императрица Екатерина Великая была в Харькове». По этим приблизительным данным И. Лобойко и установил дату своего рождения. (См. Институт русской литературы АН СССР /Пушкинский Дом/ — ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 105, л. 15.)

¹¹ См. там же и ед. хр. 107, л. 28.

¹² J. Łobojko, Rzut oka na starożytną literaturę skandynawską, Wilno, 1822.

¹³ Там же, стр. 7.

¹⁴ В. Базанов, Вольное общество любителей российской словесности, Петроград, 1949, стр. 405.

и Александр Бестужевы, В. Кюхельбекер, Н. Тургенев и А. С. Грибоедов. На заседаниях Общества, которые назывались «учеными упражнениями», обсуждались новые произведения писателей — будущих декабристов и актуальные общественно-политические вопросы. В обсуждениях принимал участие и И. Лобойко. Особенно близок он был с К. Рылеевым. «Рылеев знал, что я горячий почитатель поэтических его произведений и потому мне часто и охотно ими хвалился»¹⁵, — так под конец своей жизни объяснял эти отношения И. Лобойко.

В «Вольном обществе любителей российской словесности» И. Лобойко был весьма активным членом: он исполнял обязанности библиотекаря и «цензора»-редактора. Таким образом, И. Лобойко как редактору приходилось принимать участие в подготовке к изданию печатного органа Общества — ежемесячного журнала «Соревнователь просвещения и благотворения» («Труды Вольного общества любителей российской словесности»). В 1821 году (последний год работы И. Лобойко в Обществе) накануне его отъезда в Вильнюс в упомянутом журнале начали активно печататься будущие декабристы — К. Рылеев, А. Бестужев, В. Кюхельбекер, Ф. Глинка и др. Уже тот факт, что К. Рылеев любил читать И. Лобойко свои новые произведения¹⁶, говорит о том, что И. Лобойко не только обладал эстетическим вкусом и был хорошим знатоком художественной литературы, но и сочувствовал идеям, высказываемым в творчестве поэта-декабриста.

Какие основные причины побудили И. Лобойко покинуть столицу, оставить мечты о карьере государственной службы, и отправиться в провинциальный Вильнюс, трудно определенно сказать. Судя по его мемуарам, одной из таких причин было желание посвятить свою деятельность делу сближения населения новых губерний России с русским народом. Под этим «сближением» И. Лобойко, без сомнения, понимал тогда практическое осуществление царской национальной политики в литовских губерниях. Члены «Вольного общества любителей российской словесности» приветствовали этот шаг И. Лобойко, ибо видели в нем первую попытку претворения в жизнь программы декабристов по отношению к польскому народу, частью которого они считали и население Литвы. Сам И. Лобойко так пишет об этом: «Члены высоч. [айшего] утвержденного общества любителей росс. [ийской] словесности также радовались моему назначению в Вил. [енский] у[ниверсите]-т, потому что от меня по вступлении моем в Виленский университет профессором русской словесности ожидали они, что употреблю мои способности к примирению обоих наций. Я давно одушевлен был этим чувствованием и признавал теперь свое назначение призванием к сему подвигу»¹⁷.

Кроме этой, «официальной», причины переезда И. Лобойко в Вильнюс, безусловно, были и другие, не менее важные, о которых он ничего не пишет в своих мемуарах. Одной из таких причин следует считать его желание избавиться от Аракчеева, которого он ненавидел, но с которым должен был сотрудничать в комиссии по изданию учебных книг. Однако такое неожиданное решение И. Лобойко покинуть на неопределенное время столицу, по всей вероятности, было вызвано его заботой о личной безопасности, стремлением удалиться от центра рискованной деятельности тайного общества, о существовании которого он не мог не догадываться, и избежать частых личных контактов с целым рядом его членов — будущих декабристов.

¹⁵ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 38, лл. 11—12.

¹⁶ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 60, лл. 15—29.

¹⁷ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 18.

Известно, что стать профессором Вильнюсского университета посоветовал И. Лобойко его покровитель, сотрудник Н. Румянцева, петербургский ученый Ф. П. Аделунг¹⁸. Восторг, с которым уже под конец своей жизни вспоминал И. Лобойко свой переход в это учебное заведение, свидетельствует о его отношении к Вильнюсскому университету как к крупному научному центру того времени и о его желании работать в нем. «Я прибыл в Виленский университет к концу 1821 г., когда он находился на самой высокой степени благоденствия»¹⁹, — писал И. Лобойко в мемуарах.

Обращает на себя внимание и тот факт, что во время конкурса вильнюсские филоматы были заинтересованы в том, чтобы кафедру русской литературы занял именно И. Лобойко. Некоторые факты дают возможность утверждать, что в филоматских кругах немаловажную роль в пользу И. Лобойко сыграл В. Пелчинский, первый вильнюсский филомат, установивший связи с декабристами. Он жил в Петербурге с 1818 г. и был хорошо знаком с И. Лобойко. В своем письме от 12 марта 1821 г. к президенту Общества филоматов Ю. Ежовскому В. Пелчинский между прочим писал: «Сейчас будет решаться конкурс на русскую кафедру; сообщи, кто останется победителем. Один из моих здешних знакомых — Лобойко — направил свой реферат; неплохой этот человек, немножко шутилив, понимает немного по-польски»²⁰.

Переписка филоматов по вопросу предстоящих выборов новых профессоров в Вильнюсском университете говорит о том, что в избрании И. Лобойко некоторую роль играли члены этого тайного общества и, в первую очередь, вице-президент филаретов, сын ректора университета Ф. Малевский. Так, после получения Ю. Ежовским от В. Пелчинского положительных данных о И. Лобойко, 2 мая 1821 года (т. е. за 5 месяцев до избрания И. Лобойко) Ф. Малевский весьма уверенно сообщал А. Мицкевичу: «На кафедру русской литературы будет избран Лобойко. Пускай! Остальное на дальше»²¹.

Переписка филоматов относительно избрания другого профессора, Голуховского, также свидетельствует о том, что филоматы в некоторой степени влияли на судьбы участников конкурса на замещение вакантных должностей в университете²².

26 октября 1821 года И. Лобойко был избран и утвержден профессором на кафедру русской литературы и истории России Вильнюсского университета²³. Кроме упомянутых дисциплин, он преподавал русский и старославянский языки²⁴.

Несмотря на то, что преподавание русского языка в Вильнюсской высшей школе было введено уже со времени присоединения Литвы к России, т. е. с 1795 г., до прибытия И. Лобойко этот предмет здесь преподавался очень несерьезно, и знания студентов были весьма скудными. В своих воспоминаниях И. Лобойко так писал о степени усвоения русского языка студентами: «Многие из студентов моих не знали даже русских букв и записывали свои замечания на лекциях моих латинскими буквами»²⁵. И. Лобойко был четвертым преподавателем

¹⁸ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 107, л. 28.

¹⁹ Там же, ед. хр. 39, л. 32.

²⁰ Archiwum filomatów, cz. I, Korespondencya, t. III, Kraków, 1913, str. 210.

²¹ Там же, стр. 285.

В цитируемом тексте слово «Пускай» написано по-русски, взято в кавычки и каким знаком препинания не отделено от предыдущего слова.

²² Там же, стр. 285, 288, 319 и др.

²³ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 37, л. I.

²⁴ J. Bieliński, Uniwersytet Wileński, t. II, str. 731.

²⁵ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 37.

русского языка в Вильнюсском университете; до него эту дисциплину преподавали профессора и преподаватели-поляки: М. Зубакович, Я. Чернявский и П. Островский²⁶.

Своей научной эрудицией, аккуратностью, тактичностью и доброжелательным отношением к местному населению И. Лобойко очень быстро завоевал симпатии не только студентов, но и широких кругов ученых столицы Литвы. «На лекции мои,— пишет в своих воспоминаниях И. Лобойко,— приходили охотно не только студенты, но даже адъюнкты и профессора, также давно вышедшие из университета кандидаты, магистры и доктора»²⁷. По словам польского историка Ю. Белинского, И. Лобойко в Вильнюсе «был уважаемый всеми»²⁸.

Преподавание русского языка в университете И. Лобойко поднял на должную высоту. Об этом свидетельствуют сохранившиеся студенческие работы — переводы польской поэзии на русский язык²⁹, а также то, что ежегодно росло число выпускников университета, отправляющихся на государственную службу в Петербург. Раньше таких случаев почти не было. Поэтому И. Лобойко, вспоминая отправку своих лучших воспитанников — Ясюковича, Гриневича, Глебовича³⁰ и Страковского в Петербург, говорит: «Я их первых отправил в Петербург, и все они были примером счастья...»³¹.

Революционно настроенная часть вильнюсского студенчества приняла И. Лобойко с доверием. Членом его семьи стал студент-украинец Николай Малиновский, известный филарет, руководитель «голубого» (литературного) отряда этой нелегальной организации. Н. Малиновский поселился в доме профессора с целью обучать его польскому языку.

И. Лобойко приступил к преподавательской работе 20 февраля 1822 г., а 28 апреля того же года попечителем Вильнюсского университета А. Чарториским он был назначен членом специальной комиссии, в состав которой, кроме него, вошли профессор Л. Боянус (председатель) и профессор теологии А. Клонгевич. Эта комиссия должна была провести негласное расследование о существовании тайных студенческих организаций. Однако комиссия работала очень недолго и неуспешно, беседовала только с двумя студентами (Т. Заном и Т. Лозинским), а также с А. Мицкевичем, работавшим в то время учителем в Каунасе³². Формальное отношение к порученному делу со стороны И. Лобойко — «представителя Петербурга», по-видимому, повлияло на остальных членов комиссии. Таким образом, на этот раз еще не была разоблачена нелегальная деятельность вильнюсских студентов.

По мнению С. Фишмана, назначение И. Лобойко членом следственной комиссии говорит о доверии к нему А. Чарториского; куратор надеялся, что И. Лобойко «не столько займется следствием, сколько признанием, что следствие является ненужным»³³.

К аналогичному выводу о деятельности следственной комиссии приходили и некоторые члены тайных вильнюсских обществ. Так, например, С. Козакевич утверждает, что «счастливый подбор лиц с точки

²⁶ J. Bieliński, Uniwersytet Wileński, t. II, str. 731.

²⁷ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 38.

²⁸ J. Bieliński, Uniwersytet Wileński, t. III, str. 254.

²⁹ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 32.

³⁰ Переводчик труда И. Лобойко «Взгляд на древнюю словесность скандинавского севера» на польский язык.

³¹ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 37.

³² Рапорт Новосильцева № 839 от 13 мая 1824 г. — «Варшавские университетские известия», 1897, VIII, стр. 3—32; IX, стр. 33—94.

Судя по воспоминаниям самого И. Лобойко, к следствию в то время привлекалось 11 человек. См. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 37, л. 26.

³³ S. Fiszman, Archiwalia mickiewiczowskie, str. 10.

зрения их характера, благородных чувств и большой заботы о благе университета предпринял то, что следствие не было продолжено, что оно ограничилось некоторыми данными, удовлетворяя этим желание князя куратора»³⁴.

Летом 1823 г. царскими властями было выявлено общество филаретов. Вскоре после этого из Варшавы в Вильнюс прибыл начальник тайной полиции Новосильцев со своей канцелярией и учредил здесь следственную комиссию, производившую аресты и допросы филаретов. Новосильцев пытался обвинить Чарториского в умышленном разрешении общества филаретов в Вильнюсском университете и тем самым выслужиться перед ненавидевшим его цесаревичем Константином Павловичем³⁵. Комиссия Новосильцева старалась принудить членов первой следственной комиссии (Л. Боянуса, А. Клонгевича и И. Лобойко) дать показания для обвинения Чарториского³⁶. Особенно многого ожидала комиссия от И. Лобойко, который был лично знаком с Новосильцевым. Но И. Лобойко вел себя достойно. Будучи глубоко убежденным в несправедливости этого следствия, он категорически отказался участвовать в работе следственной комиссии Новосильцева и пытался оправдать студентов³⁷.

Следственная комиссия заподозрила И. Лобойко в желании обмануть ее и сделала ему следующее замечание: «...действительно можно утверждать, что Господин в своих ответах не только не намеревался выявить правду, но старался всякими способами ее затемнить»³⁸. В связи с этим ему пришлось претерпеть унижение (он допрашивался наравне со студентами) и большой моральный нажим со стороны комиссии. Способ допрашивания, которому подвергался И. Лобойко, им самим был приравнен к «самой жестокой пытке»³⁹. Своим поведением во время процесса по делу филаретов И. Лобойко показал себя честным и высокогуманным человеком: «Я хорошо знал,—говорит И. Лобойко о занятой им позиции,—что, следуя этому приглашению, оно бы повело меня быстро к возвышению, но я уклонился от сей чести не только из боязни обременить себя тяжкими трудами, но и по другим причинам. Я не имел ни малейшего убеждения в справедливости этого следствия. Я подозревал в нем тайные и своекорыстные виды»⁴⁰.

Хотя И. Лобойко и сумел убедить Новосильцева в своем беспристрастном отношении к делу филаретов, и следственная комиссия по отношению к нему ограничилась только допросами⁴¹, однако участь студентов-филаретов и очевидная несправедливость этого процесса на всю жизнь оставили неизгладимые следы в его памяти. В своих воспоминаниях И. Лобойко так говорит об этих событиях: «...судьба виленских студентов, принадлежавших к тайному обществу, столь сильно меня занимала, что я не расположен был ни к чему другому. Я редко посещал моих покровителей и знакомых»⁴².

Тактика И. Лобойко во время процесса по делу филаретов, его глубокие переживания в связи с этим процессом, а также его обширные

³⁴ Archiwum filomatów, cz. II, t. III, str. 520.

³⁵ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 38, лл. 34—35; ед. хр. 41, лл. 24—25.

³⁶ Воспоминания И. Лобойко «Допросы членам, бывшим в следственной комиссии Чарториского». — Там же, ед. хр. 38, лл. 31—39-об.

³⁷ Там же, ед. хр. 38, лл. 23—27.

³⁸ Z. Wasilewski, Promieniści, Filareci i Zorzanie. — „Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce“, t. IX, Kraków, 1897, str. 195.

³⁹ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 38, л. 36-об.

⁴⁰ Там же, л. 25.

⁴¹ Там же, л. 39-об.

⁴² Там же, ед. хр. 41, л. 36.

мемуары, посвященные обществу филаретов⁴³, говорят о том, что он сочувствовал прогрессивно настроенной академической молодежи Вильнюса. И. Лобойко роднила с филаретами ненависть к жестокому произволу и деспотизму, презрение к национальному гнету.

Следует отметить и то большое доверие, которым И. Лобойко пользовался у населения Вильнюса. Так, например, автор неизданного русско-польского словаря Викентий Кишко-Згерский, возмущенный действиями Новосильцева, собирался убить его и о своем намерении неоднократно беседовал с И. Лобойко. «Этот человек был решительный и не дорожил своей жизнью. Он несколько раз выражал мне свое негодование, и я с трудом удержал его от сего намерения», — вспоминает И. Лобойко⁴⁴.

Перечисленные выше факты являются важными для характеристики идейных тенденций И. Лобойко, но они не единственные в годы его жизни и деятельности в Вильнюсе. И. Лобойко часто, рискуя своей карьерой, защищал или пытался защитить тех, кому угрожала опасность со стороны царских властей. Так, например, И. Лелевель говорит о том, что в 1823—1824 учебном году И. Лобойко защитил кальвинистскую школу в г. Слуцке от злоумышленных доносов прелата Шантыра⁴⁵. Защищал он и арестованного филарета Н. Малиновского⁴⁶, а также уволенных из Вильнюсского университета в связи с филаретским процессом профессоров И. Лелевеля, И. Даниловича и М. Бобровского. Он ходатайствовал перед министром Шишковым о восстановлении этих профессоров в Вильнюсском университете. Однако и сам министр оказался бессильным перед Новосильцевым и Аракчеевым⁴⁷. Поэтому совсем не случайно М. Бобровский в своих письмах к И. Лелевелю постоянно называл И. Лобойко «наш Лобойко»⁴⁸. Обращает на себя внимание также переписка И. Лобойко с И. Лелевелем, находившимся в ссылке. С. Фишман отмечает, что эти «письма И. Лобойко содержат доброжелательные сведения о сосланном в Харьков И. Даниловиче, об удаленном из Вильнюса М. Бобровском, с которым Лобойко вел переписку, о сосланных в Россию филоматах, о Мицкевиче, Малевском, Ежовском и других»⁴⁹.

И после прибытия в Литву И. Лобойко поддерживал некоторые отношения с «Вольным обществом любителей российской словесности». Во время двух своих поездок в Петербург (в 1823—1824 гг.) участвовал в заседаниях Общества, встречался с виднейшими в будущем декабристами. Особенно тесные взаимоотношения установились у него с К. Рылеевым, о котором в письме к Н. Румянцеву он говорит: «Рылеев — издатель «Полярной Звезды» и весьма уважаемый мною поэт...»⁵⁰.

В своих воспоминаниях о К. Рылееве И. Лобойко пишет:

«Из Вильны два раза летом приезжал я, в 1823 и 1824 году, в Петербург и, после заседаний нашего общества, давал ему волю

⁴³ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 37, лл. 22—29, 36-об—41; ед. хр. 38, лл. 18—46-об; ед. хр. 41, лл. 20—44.

⁴⁴ Там же, ед. хр. 41, лл. 27-об—29.

⁴⁵ J. Lelewel, *Dzieła*, t. VIII, Warszawa, 1961, str. 555.

⁴⁶ Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce, t. 6, str. 264.

⁴⁷ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 60, лл. 5—7.

⁴⁸ S. Fiszman, *Archiwalia mickiewiczowskie*, str. 16.

⁴⁹ Там же, стр. 15.

⁵⁰ Н. Григорович, Переписка Григоровича с графом Н. П. Румянцевым. — «Чтения в импер. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1864, кн. 2, стр. 41.

наговориться о своих поэтических идеалах и декламировать те стихи, кои его самого наиболее восхищали»⁵¹.

Последняя встреча И. Лобойко с К. Рылеевым состоялась в августе 1824 года. И. Лобойко так вспоминает о ней:

«В это время оканчивал он свою поэму «Войнаровский». Летом, по выходе из заседания литературного нашего общества, ночью, в 11 часов, пригласил он меня к себе на квартиру послушать окончание своей поэмы. Я восхищался [...] Чтение продолжалось до трех часов ночи в огромном зале, в котором раздавался звучный его голос; нас было только двое. По окончании чтения, я спросил его, где эта поэма будет напечатана? Рылеев отвечал: «В Москве». — «Отчего же не здесь, в Петербурге?» — «Разве вы не знаете, что за мною подсматривают? [...] — «Да за что же вас подозревают?» — «Разве вам неизвестно, что я навлек на себя гнев графа Аракчеева?» Я не знал, по какому поводу, и Рылеев объяснил мне его следующим образом: «Вы знаете, что я напечатал в «Невском Зрителе» Проперция сатиру в переводе стихами, под заглавием «Временщику»⁵²?

Сатира Рылеева, как видно, произвела большое впечатление на И. Лобойко. Особенно характерно то обстоятельство, что уже под конец своей жизни, написав воспоминания о процессе филаретов и злодеяниях Новосильцева, он заключил свое сочинение двумя начальными строками сатиры «Временщику»⁵³. Как видим, И. Лобойко правильно понял обобщающий характер этой сатиры.

Дружеские отношения И. Лобойко с видными членами «Северного общества» декабристов говорят о том, что он пользовался не только большим их уважением, но и политическим доверием. Эти связи с декабристами, несомненно, повлияли и на его поведение во время процесса филаретов. Определенные следы декабристских идей заметны также в его научно-педагогической и общественной деятельности. Из его публичных выступлений перед студентами и общественностью, из научных трудов и мемуаров видно, что И. Лобойко был противником деспотизма и произвола, сторонником свободного развития капиталистических отношений в России. Правда, против существовавшего крепостного и самодержавного строя он, будучи некоторое время и сам мелким помещиком, никогда не выступал открыто. Иногда он делал только завуалированные намеки по этому вопросу. Например, выступая перед началом публичных чтений в Вильнюсском университете 15 сентября 1822 г., И. Лобойко так осторожно говорил о бедственном положении народов империи и об изжившем себя феодально-крепостном строе:

«Правительство имеет теснейшую связь с благосостоянием народа. В самой обильной стране народ бедствует, если затруднены способы жизни; если стеснено движение торговли и промышленности, если его умственные и физические силы не имеют правильного развития; если внутренняя и внешняя безопасность не ограждена предусмотрительными и строгими мерами»⁵⁴.

Своих студентов И. Лобойко направлял на изучение истории, фольклора, языка и быта народа, географии родного края. Об этом свидетельствует коллективный научный труд — «Описание литовских и польских городов», составленное в 1823 году студентами Вильнюсского

⁵¹ В. В. Данилов, Воспоминания о Рылееве. — Декабристы и их время, М.—Л., 1951, стр. 25.

⁵² Там же.

⁵³ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 41, л. 44-об.

⁵⁴ Там же, ед. хр. 97, лл. 5-об—6.

университета под руководством И. Лобойко⁵⁵. Подробные описания разных местностей Литвы, составленные вильнюсскими студентами, хранятся и в Рукописном отделе Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР⁵⁶. Можно предполагать, что и этими работами руководил И. Лобойко.

Об идейных позициях И. Лобойко в области художественной литературы в некоторой степени уже говорит сам факт его принадлежности к «Вольному обществу любителей российской словесности», с 1819 года возглавляемому группой дворянских революционеров и боравшемуся за прогрессивное, самобытное развитие русской литературы. Издаваемый Обществом журнал «Соревнователь просвещения и благотворения», редактором которого в течение двух лет был И. Лобойко⁵⁷, отстаивал эстетические принципы революционного романтизма.

Литературные связи И. Лобойко с К. Рылеевым также показывают его отношение к зарождавшемуся в русской литературе революционному романтизму. Кроме того, известно, что И. Лобойко с большим восторгом встретил и зарождение литературы прогрессивного романтизма в Литве, особенно появление поэмы А. Мицкевича «Гражина». О последнем событии И. Лобойко так писал в своих мемуарах:

«В это время, в 1822 году, начала в польской литературе возникать романтическая школа и отделяться от классической. Представителем первой можно было считать Адама Мицкевича, которого первые опыты в поэзии приняты были с восторгом новым поколением.

Поэма его *Grażyna*, вскоре по приезде моем вышедшая из печати, столько меня очаровала, что я, начав читать ее с вечера, не мог уже от нее оторваться и всю ночь просидел за нею с польскими моими знакомцами»⁵⁸.

Определить эстетические взгляды И. Лобойко помогает изучение его переписки с А. Мицкевичем по поводу выхода в свет упомянутой поэмы. В письме к молодому польскому поэту И. Лобойко выразил свое восхищение его поэзией, благодарил А. Мицкевича «за большое удовольствие, радость и жизнь», которые он испытал, читая это «мастерское произведение»⁵⁹. Ответное письмо А. Мицкевича свидетельствует о том авторитете, которым пользовался И. Лобойко как литературовед в литературной среде того времени. В своем письме к И. Лобойко А. Мицкевич радуется тому, что «понравился мужу, которого как ученого хорошо знают и на его старой, и новой родине». Дальше польский поэт отмечает свое знакомство с И. Лобойко, благодаря которому он «научился ценить его как проницательного критика искусства». «Признание со стороны таких мужей,— пишет А. Мицкевич,— сегодня является единственной, но вместе с тем и самой красивой наградой для искусства, предоставляющей много радости»⁶⁰.

⁵⁵ Работа состоит из 86 кратких описаний 51 города и населенного пункта: Борисова, Бирже (Биржай), Боцки, Бреста, Белостока, Варшавы, Верок (Вяркай), Вильно, Вилейки, Винницы, Волковыска, Гродно, Данцига (Гданьска), Датновы (Дотнува), Дзисны, Дрогичина, Измаила, Игумена, Илукшты, Кайданова, Каменца, Кернова (Кярнаве), Ковно, Кременца, Кнышина, Кроже (Кражай), Лепеля, Луцка, Лужки, Ляховича, Мендзибожа, Мозыря, Молодечны, Несвижа, Мелеча, Минска, Олыска, Оникшты (Аникшай), Пинска, Полоцка, Поневежа (Паневежис), Постава, Радзыни, Радомысла, Роляны, Свислоча, Слуцка, Сурожа, Трока (Тракай), Товяны (Тауенай), Тыкочина и реки Неман.— См. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, архив ОИДР, ф. 205, № 154.

⁵⁶ См. РОЦБ АН ЛССР, ф. В4, ед. хр. 228.

⁵⁷ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 38, л. 10.

⁵⁸ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 37, л. 17.

⁵⁹ A. Mickiewicz, *Dziela*, t. XIV, Warszawa, 1955, str. 245—246.

⁶⁰ Там же, стр. 247.

Авторитет, которым И. Лобойко пользовался в декабристских и филологических литературных кругах, свидетельствует о том, что он был довольно прогрессивным для своего времени литературоведом и положительно влиял на развитие литературы.

2. Попытки И. Лобойко создать первую научную «Историю русской литературы»

Кафедру русской литературы и истории России в Вильнюсском университете И. Лобойко возглавлял вплоть до его закрытия царским правительством в 1832 г. После смерти проф. Гродека И. Лобойко занимал должность декана филологического отделения университета. С 1833 г. он работал в вильнюсских Медико-хирургической и Духовной римско-католической академиях, где преподавал русскую и классическую литературу. В Вильнюсе И. Лобойко было присвоено звание заслуженного профессора риторики. В 1839 г. И. Лобойко передал Российской Академии наук 22 тома рукописей своих научных трудов, а в следующем году он вышел на пенсию в связи с предстоящим закрытием вышеупомянутых вильнюсских академий. Выйдя в отставку, И. Лобойко совершил путешествие в научных целях по Швейцарии и Германии, после чего в 1842 г. покинул Вильнюс и прибыл в Петербург, где вначале пытался устроиться научным работником в Публичной библиотеке. Он намеревался, работая здесь, осуществить свой научный замысел, т. е. написать «Историю российской словесности»⁶¹. Однако места в библиотеке он не получил. По-видимому, основным препятствием были не его научные квалификации, которыми он обладал, а какие-то другие причины. Последние годы жизни И. Лобойко провел на Украине и в Латвии. Умер в 1861 г.⁶² в г. Митаве (Елгаве).

Печатное наследие И. Лобойко невелико. Кроме уже упомянутой работы «Взгляд на древнюю словесность скандинавского севера», известны еще следующие его печатные статьи и отдельные издания:

1) О важнейших изданиях Герберштейновых записок о России с критическим обозрением их содержания, СПб., 1818.

2) Иностранная словесность.

3) Об источниках северной истории.

4) Донесение графа де Лабарда об училищах, учрежденных в Англии по методу Белла и Ланкастера.

5) Известие об ученой жизни покойного Гонорского.

6) Древнейшие известия о янтаре.

7) Groby olbrzymie na Żmudzi i inne zabytki starożytności tego kraju.

8) Взгляд на успехи в духовной поэзии россиян, французов и немцев, Вильно (год издания не указан).

9) Собрание духовных и нравственных стихотворений, Вильно, 1827 г.

10) Начертание грамматики русского языка, Вильно, 1827⁶³.

⁶¹ См. ИРЛИ, ед. хр. 107, лл. 27—30.

⁶² Такую дату смерти И. Лобойко указывает «Wielka Encyklopedia Ilustrowana Powszechna» (см. т. 45—46, стр. 10) и другие источники. Ю. Белинский указывает на 1863 г. (см. «Uniwersytet Wileński», т. III, стр. 254). Поскольку Ю. Белинский точною не отличается, более убедительной является первая дата смерти И. Лобойко.

⁶³ См. «Формулярный список ординарного профессора российской словесности в Виленской римско-католической духовной академии и члена правления оной, статского советника Ивана Николаева сына Лобойки». Госуд. ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина, архив ОИДР, ед. хр. № 640. Ср.: А. Каупуж, Вклад И. Н. Лобойко в развитие русско-польско-литовских культурных связей в первой четверти XIX века. — «Языкознание», т. VII, Вильнюс, 1963, стр. 55.

Богатый рукописный архив И. Лобойко (свыше 140 единиц), хранящийся в Рукописном отделе Института русской литературы (в Пушкинском Доме) АН СССР, Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Центральном Государственном историческом архиве Литовской ССР и Государственной ордена Ленина библиотеке СССР имени В. И. Ленина, характеризует И. Лобойко как ученого с большой эрудицией, занимавшегося вопросами истории русской литературы, истории России и вопросами новейшей всеобщей истории. Значительный интерес представляет его замысел создать первую подлинно научную «Историю русской литературы».

Как известно, до начала научно-педагогической деятельности И. Лобойко в Вильнюсском университете (т. е. к началу 1822 г.) имелись только 3 более известных труда по истории русской литературы, а именно:

1) «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова, изданный в 1772 г.

2) «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина» митрополита Евгения (Е. Болховитинова), т. 1, изданный в 1818 г.

3) «Учебная книга российской словесности» Н. Греча, ч. IV, изданная в 1822 г.

Книги по истории русской литературы Н. Новикова и Е. Болховитинова представляли собою лишь энциклопедические сведения о жизни и деятельности многих российских писателей. Оба эти автора не дают обобщенной картины развития русской литературы. От трудов Н. Новикова и Е. Болховитинова немногим отличался и учебник по истории русской литературы Н. Греча, который он сам назвал «первым в сем роде опытом»⁶⁴. Книга Н. Греча особенно близка к книге Е. Болховитинова. Говоря об отдельных писателях и их творчестве, Н. Греч не осмеливался давать собственную оценку, а повторял соответствующие высказывания Карамзина, Мерзлякова, Батюшкова. Свое мнение он высказывал лишь тогда, когда не имел возможности сослаться на чужое авторитетное мнение о том или другом писателе. Если же Н. Греч касался писателей духовных, то тогда он предпочитал вообще никакого своего мнения не высказывать. Об этом очень откровенно говорит сам Н. Греч в предисловии к своей книге, названном «От издателя»: «Что касается до суждений о характере писателей и их произведениях, то я старался приводить преимущественно мнения отличнейших наших критиков, и только тогда позволял себе произносить собственное суждение свое, когда не находил одного у других. Между тем, о многих писателях, преимущественно о духовных, не осмеливался я судить по своему благоусмотрению даже и тогда, когда не мог привести мнения посторонних»⁶⁵.

Н. Греч пытался дать первую периодизацию истории русской литературы: глава I его книги охватывает период со второй половины IX до конца XVII столетия, а глава II — период с 1689 г. до 1822 г. Однако в целом учебник Н. Греча был слишком примитивным даже и для того времени.

Вот, например, как выглядит раздел этого учебника, посвященный Ломоносову: сначала описывается жизнь писателя, дальше перечисляются названия всех его трудов (в том числе по химии и физике), наконец, приводится высказывание Батюшкова о Ломоносове и две длинные цитаты из работ Мерзлякова об этом же писателе. Цитаты в этом разделе занимают больше места, чем сказанное самим Н. Гре-

⁶⁴ Н. Греч, Учебная книга российской словесности, ч. IV, СПб., 1822, стр. VI.

⁶⁵ Там же, стр. VI—VII. Подчеркнуто в тексте.

чем. Г. Державину в учебнике отведено около двух листов, заполненных цитатами из того же Г. Мерзлякова. А такому крупному и популярному не только в России, но и за границей баснописцу, как И. Крылов, в книге Н. Греча отводится лишь один неполный лист, в то время как В. Озерову и даже М. Муравьеву отведено по 3 листа. Формально отнеся А. Пушкина к знаменитым русским писателям, которые «в собственной изящной литературе нынешнего века приобрели отличную славу», Н. Греч посвятил ему всего только 15 строчек текста⁶⁶. В этом учебнике ни одним словом не упомянуты такие писатели, как А. Радищев, А. Грибоедов и др. Даже критика того времени заметила, что Н. Греч обошел молчанием многих писателей⁶⁷.

Книга Н. Греча, наряду со своей реакционной тенденциозностью, ярко проявившейся в отборе и освещении самих личностей писателей и их творчества, не дает читателю представления об историческом процессе развития русской литературы, а также об отдельных ее родах, жанрах и т. п. К недостаткам «Учебной книги российской словесности» Н. Греча надо отнести и то, что в ней нет обзора русской литературы начала XIX века. Сам автор признавался, что он не в силах выполнить такую задачу: «По изложенному выше начертанию истории литературы, надлежало бы нам довершить книгу сию **обозрением настоящего состояния русской литературы**; но мы не смеем принять на себя сего труда...»⁶⁸. Таким образом, книга Н. Греча, как и две предыдущие (Н. Новикова и Е. Болховитинова), явилась для И. Лобойко лишь источником фактического материала, пособием энциклопедического характера.

Сознавая неотложную потребность в подготовке настоящего научного пособия по истории русской литературы для студентов, учащихся реальных школ, а также образованной общественности, в том числе и учителей⁶⁹, и располагая большим научным материалом, накопленным за 15 лет преподавательской работы в Вильнюсе, И. Лобойко приступил к созданию «Истории российской словесности», которая должна была выйти в двух томах. Над подготовкой текста первой научной книги он трудился около пяти лет (1835—1840 гг.)⁷⁰, т. е. до ухода на пенсию. Результатом этой работы являются сохранившиеся 2 тома рукописи, вернее набросков, «Истории».

Наброски рукописи I тома «Истории» И. Лобойко состоят из 110 листов⁷¹. В предисловии к этому тому автор пишет, что в начатом труде он хочет «похвалиться и своими исследованиями и познаниями и подвинуть науку вперед»⁷². В этом же предисловии И. Лобойко принципиально ставит вопрос о плане и системе учебной книги по истории литературы. Он заостряет и такой, почти всегда актуальный для авторов учебных книг по истории литературы вопрос, в какой степени нужно освещать биографии писателей. «...не лучше ли вовсе освободиться от биографий»⁷³, — высказывает свое мнение И. Лобойко.

В набросках рукописи I тома «Истории» И. Лобойко дал периодизацию развития русской художественной литературы XVIII—начала XIX вв. Предложенная им периодизация выглядит так:

⁶⁶ Там же, стр. 600.

⁶⁷ А. Бестужев, Взгляд на старую и новую словесность в России.— «Полярная звезда» за 1823 год.

⁶⁸ Н. Греч, Учебная книга российской словесности, стр. 620. Подчеркнуто в тексте.

⁶⁹ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 1, л. 4-об.

⁷⁰ Там же, ед. хр. 6, л. 25.

⁷¹ Там же, ед. хр. 1.

⁷² Там же, л. 4-об.

⁷³ Там же, л. 82-об.

«Главнейшие периоды в истории российской словесности.

- I. От введения гражданской печати до основания СП-бургской Академии наук (1705—1725).
- II. От основания СП-бургской Академии наук до основания Московского университета (1725—1755).
- III. От основания Московского университета до учреждения в государстве народных училищ (1755—1783).
- IV. От учреждения в России народных училищ до распространения в России университетов (1783—1803).
- V. От распространения в России университетов до кончины царствования Александра I (1803—1825).
- VI. От восшествия на престол Николая I до наших времен»⁷⁴.

Как нетрудно заметить, развитие русской литературы И. Лобойко связывает в основном с развитием просвещения и культуры в России. Наброски рукописи I тома труда И. Лобойко охватывают 3 первых периода истории русской литературы (до 1783 г.); план этого тома следующий:

- «1. Связь церковно-славянского языка с российским.
2. О наречиях россиян.
3. Происхождение и изменение письменного русского языка.
4. Главнейшие периоды в истории российской словесности.
5. Введение гражданской печати.
6. Основание СП-бургской Академии наук.
7. Основание Московского университета.
Учреждение в государстве народных училищ.
8. Распространение в России университетов.
9. Последний период.
Достопамятности I-ого периода.
10. Ученая жизнь Петра Великого.
11. Писатели и ученые.
Достопамятности II-ого периода.
12. Состояние изящной словесности.
13. Ломоносов и Сумароков.
14. Ученые россияне и писатели.
15. Антиох Кантемир.
16. Василий Тредьяковский.
17. Михаил Ломоносов.
18. Сумароков.
Первые русские оды.
Духовные оды.
Достопамятности III-его периода.
19. Ученая жизнь в царствование Екатерины II.
20. Основатели изящной русской словесности.
21. Херасков и его творения.
22. Стихосложение пиитики, критика и поэтический слог.
23. Господство оды.
24. О стихотворениях Петрова. Эпическая поэма.
25. Дальнейшие успехи в поэзии.
26. Притчи Сумарокова.
27. Хемницер и его басни и сказки.
28. Поэтическая повесть.
29. «Душенька» Ипполита Богдановича.

⁷⁴ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 1, л. 82-об.

30. Сатира в стихах.
Прозаическая сатира.
31. Комедия.
32. Фонвизин и его комедия.
Драма. *Comédie larmoyante*.
33. Русская опера.
34. Трагедия. Лирическая поэзия.
35. Преложения и подражания древним.
36. Переводы стихотворческие французских и немецких поэтов.
37. Изящная проза.
38. Введение в русскую литературу романа и прозаической повести.
39. Периодические сочинения.
40. Астрономические, физические и морские экспедиции.
41. Участие Академии наук в успехах Российской истории.
42. Ученые общества в Москве»⁷⁵.

Кроме того, в набросках первого тома «Истории» имеется отдельная (43-я) глава «Эпические поэмы Хераскова»⁷⁶.

Наброски рукописи II тома «Истории российской словесности» состоят примерно из 150 листов⁷⁷. Этот том должен был охватить 3 последних намеченных И. Лобойко периода (IV—VI) истории русской литературы. В нем предусматривались следующие 37 глав:

- «1. Достопамятности IV-ого периода с 1783 по 1803 г.
2. Свобода книгопечатания.
3. Княгиня Екатерина Дашкова.
4. Император. Российская академия.
5. Состояние изящной словесности с 1783 по 1803 г.
6. Разнообразие стихосложения.
7. Усовершенствование поэтического слога.
8. О влиянии легкой поэзии на язык.
9. Державин.
10. Капнист.
11. Княжнин.
12. Муравьев.
13. Карамзин.
14. Дмитриев.
15. О стихотворениях М. Долгорукова.
- 16.* Озеров.
17. Жуковский.
18. Батюшков. И. Крылов.
19. Мерзляков.
20. Александр Пушкин.
21. Александр Шаховской.
22. Переводы Гомера и Virгилия.
23. Переводы Пиндара и Горация.
24. Новейшие повести прозою и романы.
25. Новейшие драматические писатели.
26. Повести в стихах.
27. Новейшие путешествия.
28. Периодические сочинения.
29. Стихотворные переводы знаменитейших произведений.
30. Переводы русских сочинений на иностранные языки.

⁷⁵ Там же, лл. 2—3.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же, ед. хр. 2.

* Ввиду того, что в оригинале 16 номер отсутствует, дальнейшая нумерация расходится с оригиналом.

31. Русская история после Карамзина.

32. Русские древности.

33. Энциклопедический лексикон.

34. Биография.

35. Библиография.

36. Собрание сочинений в стихах и прозе, изданных с 1803 года.

37. Новости литературы»⁷⁸.

Таким образом, «История российской словесности» И. Лобойко вначале должна была состоять из 80 глав (в «Учебной книге» Н. Греча — 62 раздела).

В набросках рукописи II тома «Истории» И. Лобойко дает и новый вариант «Порядка и содержания» всей своей намеченной книги (I и II томов)⁷⁹. Этот план более последователен, детален и лучше продуман, чем первый. Согласно второму варианту плана «Истории», периодизация остается та же (6 периодов), но предусматривается значительное дополнение книги. Она должна была состоять из «Вступлений» и 100 глав. По новому плану, Крылову намечалось посвятить 3 главы книги (82-ая глава — «Крылов», 83-я — «Заслуги Крылова для русской словесности» и 84-ая — «О сочинениях Крылова вообще»), Пушкину — 2 главы (90-ая и 91-ая); в последнем, шестом периоде, намечалось отдельную (95-ю) главу посвятить А. Грибоедову. Очевидно, этот второй план построения «Истории российской словесности» был намечен И. Лобойко как окончательный.

Во втором томе набросков рукописи «Истории» также имеется предисловие («К предисловию»), в котором автор объясняет причины, заставившие его взяться за такую большую и ответственную работу:

«Шевырев, приступая к начатию курса истории русской словесности в Московском университете, говорит в первой своей лекции, что он по недостатку пособий приходит в отчаяние. Поэтому я думаю, что мои исследования и все подобные опыты будут приняты теперь со снисхождением и благосклонностью. Кто не занимался трудами его рода, тот не может понять, сколько они требуют прилежания и времени при нынешнем состоянии нашей литературы.

Конечно, лучше бы подождать, пока издадутся хорошие и полные каталоги [...], вместо которых мы имеем только каталоги Сопикова⁸⁰ и Смирдина⁸¹ по 1828, библиографического словаря, подобного изданному Jochegom⁸² и его продолжателями, [...] и по крайней мере окончания энциклопедического словаря, чем издавать столь несовершенные пособия для познания отечественной словесности.

Но к этой решимости я имел следующие причины:

1) Настоящее сочинение можно считать после Греча вторым опытом, а трудность и важность предмета требует многих предварительных опытов. Я употребил более 15 лет для приобретения сообщаемых мною известий [...].

2) Многое, что относится к первым периодам нашей словесности теперь еще не изгладилось, многое сохраняется в памяти и преданиях. Я хотел уловить эти последние моменты, они с жизнью наших ветеранов словесности скоро исчезнут.

3) После Греча учебной книги, изд. в 1821 году, никто ничего лучшего не сделал; Шевырев говорит, принимаясь за историю литера-

⁷⁸ Там же, лл. 3—3-об.

⁷⁹ Там же, лл. 7—8-об.

⁸⁰ В. Сопиков, Опыт российской библиографии, ч. I—V, 1813—1821.

⁸¹ А. Смирдин, Роспись российским книгам для чтения..., 1828.

⁸² A. Joche, *Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce od wprowadzenia do niej druku po rok 1830 włącznie*, t. I, Wilno, 1840.

туры отечественной: «Какое сочинение могу я иметь пред собою? Передо мной лежит коротенький учебник Греча, пособие скудное, недалекое, за которое однако мы должны благодарить автора».

Я воспользовался всем, что литература наша до сих пор представляет и продолжаю начатое Гречем, желая, чтобы мой опыт вызвал новые, и чтобы сей предмет нашел более участия и соревнования»⁸³.

Дальше в предисловии ко второму тому «Истории» И. Лобойко обсуждает ряд актуальных проблем, связанных с созданием этого труда (план книги, роль просвещения и культуры в развитии литературы, отбор писателей, описание их жизни и пр.). Следует, прежде всего, отметить, что на создаваемую им книгу он смотрел как на продолжение лучших традиций русской критики и хорошо понимал сложность приготовления учебного пособия по истории литературы. Поэтому И. Лобойко писал:

«О многих наших писателях мимоходом произнесли мнение Карамзин, Мерзляков, Батюшков, Греч, Плетнев, кн. Вяземский, Н. Полевой, Жуковский, Сенковский. Подобно им отдать на суд, утвердить, очистить, дополнить и привести в обращение».

Предмет истории литературы, способ освещения отдельных периодов ее развития и отбор писателей понимался И. Лобойко следующим образом:

«Пределы этой истории есть изящная словесность, т. е. изящная проза и поэзия. Достопамятности каждого периода состояния изящной словесности вообще и порознь. Тут можно упоминать и о второклассных и третьеклассных писателях; но биографии ставить только одних первоклассных».

Говоря о V-ом периоде развития русской литературы (1803—1825 гг.), из общего числа (около 60) названных писателей к «первоклассным» И. Лобойко относит прежде всего Батюшкова, Жуковского, Пушкина, Крылова, П. Вяземского. Перечисляя же писателей, которые в этом периоде, по словам И. Лобойко, имели сильное влияние на других, он, в первую очередь, опять называет Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Крылова, а также и Озерова.

Предисловие ко второму тому «Истории» свидетельствует о новом подходе И. Лобойко как исследователя к изучению истории литературы. Его внимание, главным образом, привлекали изменения, происходившие в литературном процессе. Так, например, о специфических явлениях в русской литературе первой четверти XIX века он говорит так:

«Как определить мне характер V-го периода? Биографии писателей мне известны. Другие можно найти в биографических словарях. Главное определить характер периода. [...] Первый характер есть тот, что послания, элегии вытеснили оду; 2. Что аполог дошел до совершенного развития; 3. Что введена баллада, которая заступила место стихотворной повести и даже драмы; 4. Перестали писать *poésies positives*; 5. Многие начали писать *méditatifs poétiques* и мистические стихотворения. Потом, наскучив балладами, опять за стихотворные повести принялись»⁸³.

В заключение рассматриваемого нами предисловия автор приходит к выводу, что в представляемых в «Истории» биографиях «первоклассных» писателей должна освещаться не их личная, а только их литературная жизнь⁸⁴. Следует отметить, что последнее положение, выдвинутое И. Лобойко, было для того времени еще весьма новым и оригинальным.

⁸³ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 2, лл 4—4-об.

⁸⁴ Там же, л. 6-об.

Выйдя на пенсию и не получив места в Петербургской публичной библиотеке, И. Лобойко по неизвестным причинам прекратил начатую работу по созданию Истории русской литературы. Им был собран следующий вспомогательный научный материал, предназначенный для создаваемой «Истории»:

1. О стихосложении российском (около 120 лл. рукописи)⁸⁵;
2. Исследования и выписки к истории русской словесности, т. I (около 250 лл.)⁸⁶;
3. Выписки к истории русской литературы, т. II (около 200 лл.)⁸⁷;
4. История российской словесности (обзор словесности до Петра I), около 124 лл.⁸⁸;
5. Руководство к познанию истории русской словесности, ч. II (1689—1741), около 200 лл.⁸⁹;
6. Конспект курса истории русской литературы и науки в царствование Елизаветы Петровны (около 200 лл.)⁹⁰;
7. Ломоносов, Сумароков и Херасков, основатели русской словесности. Державин, Жуковский, Крылов, Пушкин и др. писатели (около 100 лл.)⁹¹;
8. Биографии российских писателей (около 100 лл.)⁹²;
9. Биографии писателей, ученых, общественных деятелей, т. II. (Царствование Екатерины II), около 150 лл.⁹³;
10. Новые известные русские писатели (Баратынский, Башуцкий, Бенедиктов, Бестужев (Марлинский) и т. д.), около 70 лл.⁹⁴;
11. Новые известные русские писатели, т. II (около 70 лл.)⁹⁵.

План «Истории российской словесности», наброски некоторых глав этого труда и большой вспомогательный материал, предназначенный для написания этой книги, дают основание предполагать, что «История» И. Лобойко должна была во многом превзойти «Учебную книгу» Греча. Создаваемая И. Лобойко «История российской словесности» могла быть вполне современным трудом с точки зрения его системы, объема литературных фактов, соблюдения литературной специфики, а также по своему содержанию и идейному направлению.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в книге И. Лобойко намечалось широкое освещение творчества таких выдающихся писателей декабристской эпохи, как Пушкин, Грибоедов, Баратынский, А. Бестужев-Марлинский и др. Предполагаемое учебное пособие И. Лобойко, в отличие от предыдущих книг такого рода, впервые обещало представить русскую художественную литературу в целостности, показать исторический процесс ее развития.

3. Деятельность И. Лобойко в области исследования памятников древней письменности

По поручению Н. Румянцева И. Лобойко развернул в Литве большую работу по сбору памятников древней письменности, археологических находок и т. п. В своем письме, написанном сейчас же после

⁸⁵ Там же, ед. хр. 3.

⁸⁶ Там же, ед. хр. 4.

⁸⁷ Там же, ед. хр. 5.

⁸⁸ Там же, ед. хр. 7.

⁸⁹ Там же, ед. хр. 8.

⁹⁰ Там же, ед. хр. 11.

⁹¹ Там же, ед. хр. 13.

⁹² Там же, ед. хр. 14.

⁹³ Там же, ед. хр. 15.

⁹⁴ Там же, ед. хр. 16.

⁹⁵ Там же, ед. хр. 17.

отъезда И. Лобойко в Вильнюс, Н. Румянцев просил его разыскивать в библиотеках Литвы древние русские рукописи, обращая также внимание на каждую литовскую или польскую хронику. Он просил И. Лобойко особенно обратить внимание на документы и описания, касающиеся времен великих литовских князей Альгирдаса и Витаутаса⁹⁶.

С подобными просьбами к И. Лобойко в том же 1822 году обращались ученые П. Кеппен и З. Ходаковский⁹⁷.

Следует отметить, что в Вильнюсе И. Лобойко был одним из лучших знатоков древних рукописей и печатных изданий⁹⁸. Ему в этой области приходилось постоянно выполнять различные поручения правительственных органов. Так, например, едва приступив к работе в Вильнюсском университете, И. Лобойко по предложению главы университета Комиссией по составлению законов вместе с И. Лелевелем и др. был назначен членом Комитета для сличения Литовского Статута, напечатанного в С. Петербурге, с древнейшими его изданиями и списками⁹⁹. Лицо, рекомендовавшее его в сотрудники Петербургской Публичной библиотеки, пишет, что И. Лобойко ежегодно поручалась ревизия библиотеки Вильнюсской медицинской гимназии, а в университете «возложено на него было разбор рукописей, оставленных после изузитов на языках латинском, французском, итальянском, польском, древнем русском и церковнославянском, причем поставлено ему в обязанность дать мнение о важности их»¹⁰⁰.

И. Лобойко усиленно интересовался памятниками белорусской письменности, хранившимися в Литве, белорусским языком и его дальнейшими судьбами. Он обращал внимание Н. Румянцева на необходимость присовокупить к изданию белорусских грамот и белорусско-русский словарь. По этому поводу И. Лобойко писал: «Белорусский язык еще не истребился; на нем говорят еще и поныне проповеди по сельским церквам. Могилы почитаются средоточием Белоруссии, где подгородные мещане по ту сторону Днепра и теперь еще весьма хорошо говорят сим наречием»¹⁰¹. И. Лобойко доказывал Н. Румянцеву, что белорусско-русский словарь может оказать большую услугу при чтении летописей, Литовского Статута, книг и других памятников белорусской литературы¹⁰².

К предложению, выдвинутому И. Лобойко, Н. Румянцев отнесся весьма положительно и незамедлительно дал следующее указание И. Григоровичу, подготовителю к печати белорусских грамот:

«Препровождаю к Вам копию с прелюбопытного письма ко мне г. Лобойка. В нем найдете частое о себе напоминание. Я не скрываю от Вас, Милостивый Государь мой, что **чрезвычайно**¹⁰³ как желаю вместе с ним, чтобы Вы к белорусским грамотам присоединили словарь белорусских слов, неудобопонятных для нас, и старались бы их объяснить. Нет сомнения, что сей словарь придаст бы большой цены тому изданию, над которым теперь занимаетесь, и поставил бы имя Ваше в большое уважение в кругу тех, кои истинным просвещением

⁹⁶ „Dziennik Wileński“, 1822, t. I, str. 279.

⁹⁷ Там же, стр. 281—282, 540—542.

⁹⁸ В Гос. ордена Ленина библиотеке СССР им. В. И. Ленина, в архиве ОИДР, хранятся сделанные И. Лобойко выписки из Несторовой летописи, изданной Шлёцером, и из источников по истории Литвы. См. Библиотека имп. общества истории и древностей российских, Москва, 1845, стр. 46.

⁹⁹ Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина, архив ОИДР, ф. 205, ед. хр. 640, л. 5.

¹⁰⁰ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 107, лл. 27—30.

¹⁰¹ Н. Григорович, Переписка Григоровича с графом Н. П. Румянцевым, стр. 40.

¹⁰² Там же, стр. 40—41.

¹⁰³ Подчеркнуто в тексте.

занимаются»¹⁰⁴. В другом письме к И. Григоровичу, касаясь этого же вопроса, Н. Румянцев еще добавляет: «Ежели Вам на точное определение некоторых слов надобна будет помощь г. Лобойка, то снесите с ним...»¹⁰⁵.

Эти письма Н. Румянцева показывают, каким большим научным авторитетом пользовался И. Лобойко у этого известного мецената русской науки.

Выход в свет 1-ой части «Белорусского архива древних грамот» И. Лобойко встретил с одобрением. Увидев этот сборник, он писал И. Григоровичу, что не может в полной мере выразить свое удовольствие по поводу того, что белорусская словесность еще при его жизни «из мрака забвения с таким достоинством выступает на свет»¹⁰⁶.

Надо отметить, что И. Лобойко принял активное участие в подготовке к изданию белорусских грамот. Он послал И. Григоровичу списки 17-ти белорусских пергаментных грамот, хранившихся в архиве Вильнюсского римско-католического кафедрального собора, а также копии некоторых других старинных записей и документов¹⁰⁷.

Издание белорусских грамот И. Лобойко считал важным делом еще и потому, что, по его мнению, они могут служить материалом для изучения истории русского языка. «Невозможно, чтобы история и филология не извлекли из сего, донныне неприкосновенного, но богатого, источника ощутительной пользы. С первого взгляда можно видеть, что история русского языка, о которой мы только еще начинаем думать, найдет в сем источнике весьма важную подпору»¹⁰⁸, — говорил об этих грамотах И. Лобойко.

Определенный научный интерес, особенно для литовских историков, представляет работа И. Лобойко «Вильна, столица Западной России и Киевской Митрополии»¹⁰⁹. В начале научной статьи автор отмечает, что написал ее по желанию Виленского военного губернатора и генерал-губернатора князя Николая Андреевича Долгорукова. По словам И. Лобойко, она была опубликована (сокращенно и с пропуском цитат) в «Виленских Губернских Ведомостях»¹¹⁰. Работая над статьей, он воспользовался рукописями и редкими книгами, собранными иезуитами и хранившимися в библиотеке Вильнюсского университета «до раздробления и уничтожения ее в 1835 году»¹¹¹.

В своей заметке И. Лобойко сообщает и дальнейшую судьбу рукописей научной библиотеки Императорского Виленского университета: «Оставшиеся после иезуитов рукописи по предложению министра внутренних дел описаны профессором Лобойковым (т. е. И. Н. Лобойко. — И. Л.) и по высочайшему повелению переданы в Императорскую публичную библиотеку»¹¹².

Какую большую и важную работу проделал тогда И. Лобойко в рукописном отделе научной библиотеки Вильнюсского университета, еще яснее видно из его «Формулярного списка», где имеется следующая запись:

«По требованию министра внутренних дел разобрал хранящиеся в библиотеке бывшего Виленского университета на разных языках

¹⁰⁴ Н. Григорович, Переписка Григоровича с графом Н. П. Румянцевым, стр. 50.

¹⁰⁵ Там же, стр. 51.

¹⁰⁶ Там же, стр. 46.

¹⁰⁷ Там же, стр. 39 и 44.

¹⁰⁸ Там же, стр. 40.

¹⁰⁹ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 64.

¹¹⁰ Там же, л. 2.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

древние рукописи и, отделив исторические, составил подробный каталог, который с замечаниями его на оные представлен был в 1836 году [...] в Императорскую публичную библиотеку»¹¹³.

О широкоом размахе деятельности И. Лобойко в области исследования памятников древней письменности свидетельствует сохранившаяся его переписка с целым рядом видных русских и зарубежных ученых. За значительные заслуги в данной области в 1825 году он был избран действительным членом Королевского общества северных древностей в Копенгагене, а в 1828 году — действительным членом Общества истории и древностей российских при Московском университете¹¹⁴.

4. И. Лобойко накануне отмены крепостного права в России

Рукописное наследие И. Лобойко свидетельствует о широте и многогранности интересов этого ученого, до конца своей жизни увлекавшегося почти всеми отраслями филологии и истории, активно следившего за политическими и военными событиями в России и за границей. Он постоянно читал русскую и зарубежную печать (в том числе и запрещенный в России «Колокол» Герцена¹¹⁵) и делал выписки. Особенно характерна его выписка из известной статьи Герцена «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)», напечатанной в 1857 году в 4 номере «Колокола». Надо иметь в виду, что упомянутую выписку И. Лобойко сделал в последние годы своей жизни. Особенно обращает на себя внимание то, что им выписаны из статьи Герцена только «острые» места, направленные против царизма, кроме того, в некоторых случаях он даже уточняет герценовскую мысль, делает свои примечания. Поскольку эта выписка в некоторой степени характеризует идейные позиции самого И. Лобойко под конец его жизни, целесообразно сопоставить некоторые ее места с соответствующими цитатами из статьи Герцена:

У Герцена

«Сам император Александр I чувствовал это больше других; с 1815 года он носил печаль победы на лице, а не ликование ее. Он понял зло¹¹⁶ и недаром толковал с Карамзиным и Сперанским об уложении, дал Польше конституцию и всенародно говорил, что желал бы распространить свободные учреждения и на другие народы, вверенные ему Богом. Мысль освобождения крестьян бродила в его голове; он сделал опыт в остзейских губерниях, но, окруженный людьми невежественными, закоснелыми в грубых предрассудках, несколько не лучше тех, о которых он так резко писал в 1796 году к Кочубею, без твердой воли, слабый, усталый, — он, как бы сознавая свое бессилие, впал в мистицизм и оставил все свои земные проекты».

У Лобойко

«Месть была страшна, она продолжалась тридцать лет, начавшись пятью виселицами...»

«Александр I в 1815 не даром толковал с Карамзиным и Сперанским об уложении, дал Польше конституцию и всенародно говорил, что желал бы распространить свободные учреждения и на другие народы, вверенные ему Богом, но без твердой воли, слабый, усталый впал в мистицизм и оставил все свои земные порывы, ну вот мы сильны, победили Европу, сажаем царей, чертим границы, что же от этого лучше? Мы освободили мир, а сами остались рабами».

¹¹³ Архив ОИДР, ф. 205, ед. хр. 640, л. 8.

¹¹⁴ Там же, лл. 5—6.

¹¹⁵ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 37, лл. 14-об—15; ед. хр. 56.

¹¹⁶ В цитатах подчеркнуто нами.— Я. Л.

«Ну, вот мы сильны, победили Европу, сажаем царей, чертим границы,— что же от этого лучше? [...] Мы освободили мир, а сами остались рабами [...]. Внизу, вверху, все неволя, рабство, грубая, дерзкая сила, бесправие, ни суда, ни голоса,— одна надежда и была на милость царскую».

«Сенат, совет, министерства у нас похожи на богадельни для стариков, лет пятьдесят терших лямку или сидевших в канцелярии, стариков пустых, легкомысленных, баснословного невежества, без малейшего понятия о государственном деле, вроде тех, которые Вам достались от покойного родителя...»

«Внизу, вверху, все неволя, рабство, грубая, дерзкая сила, бесправие, ни суда, ни голоса».

«Сенат, совет, министерства у нас похожи на богадельни для стариков — пустых, легкомысленных, баснословного невежества, без м[а]лейшего по[н]имания о гос[ударственном] деле, вроде тех, которые вам (А[лександр] II) достались от родителя».

«Есть старики, напр., в Англии, где они представляют преемственную и вековую мудрость, а у нас они не умеют двух слов связать, не умеют написать собственного мнения».

«Мы привыкли видеть судьбы России в руках неспособных стариков так, что лицо, вроде Мордвинова, кажется нам чужим м[е]жду своими; да разве он и еще больше Сперанский не затерялись бесполезно м[е]жду седыми детьми, игравшими в звезды и ленты».

«— вышедших в неровный бой, чтоб заявить начало совершеннолетия России. [...]»

Лондон, 20 сентября 1857 г.»¹¹⁷.

После этой выписки у И. Лобойко следует выписка из обращения Герцена «Нашим анонимным корреспондентам», опубликованного в том же номере «Колокола». Рукой И. Лобойко из герценовского обращения выписано самое главное, а именно:

«Сведения из России, особенно из наших судебных пещер, из тайных обществ, называющихся министерствами, и пр. нам (т. е. Лонд[онскому] издат[ельству]) необходимы. Они благодарят за присылку. А. Герцен»¹¹⁸.

Обращение Герцена, по-видимому, нашло горячий отклик у И. Лобойко. Почти рядом с выпиской из этого обращения в записях И. Лобойко находится заметка «Профессора Плисов, Галич, Куниц»¹¹⁹. Эти воспоминания И. Лобойко о преследовании упомянутых петербургских профессоров Руничем и Кавелиным¹²⁰ могли быть предназначены для «Колокола». Можно также предполагать, что в ответ на обращение «Колокола» были написаны и воспоминания И. Лобойко о политических событиях в Вильнюсе и Вильнюсском университете¹²¹. На такую мысль наводит то обстоятельство, что эти воспоминания начинаются вслед за выпиской из упомянутого обращения Герцена.

¹¹⁷ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 37, лл. 14-об—15-об.

¹¹⁸ Там же, л. 15-об.

«А. Герцен» написано четкими и крупными буквами, хотя в самом «Колоколе» обращение подписано сокращенным псевдонимом Герцена «И-р».

¹¹⁹ Там же, лл. 14—14-об.

¹²⁰ Кавелин К. Д. (1818—1885) — историк и юрист, в 1857—1861 гг. профессор Петербургского университета, типичный буржуазный либерал, враг революционно-демократического движения.

В своей знаменитой статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин называет Кавелина «одним из отвратительнейших типов либерального хамства», «подлым либералом». См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 21, стр. 259.

¹²¹ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 37, 38 и 41.

Исходя из этих фактов, возникает вполне естественный вопрос, не был ли И. Лобойко сотрудником герценовского «Колокола».

Для идейной эволюции И. Лобойко характерно и то, что с конца 40-х гг. прошлого столетия он начинает живо интересоваться революционным движением в России и Европе. В какой степени, например, он был заинтересован французской революцией 1848 года, хорошо видно из его сравнительно большого труда, озаглавленного «Записки на французскую революцию 22 февр. 1848, писанные для потомства позднейших времен ординарным профессором Виленского университета Иваном Лобойко в Одессе в том же году»¹²². Судя по этому труду, И. Лобойко не был сторонником революции и желал, чтобы Россия избежала ее. Несмотря на это он сумел сделать правильные выводы о французской революции и ее влиянии на дальнейшее развитие общества. «Французская революция 22-го февраля 1848 года,— писал он,— приготовленная несколькими веками и способная действовать в продолжении нескольких веков на Европу, на судьбу народов и на Россию, останется навсегда в памяти грядущих поколений человеческого рода»¹²³.

Через два года И. Лобойко уделил много внимания раскрытому царскими властями обществу Бутаевича-Петрашевского¹²⁴. В своих рассуждениях по поводу этого события И. Лобойко защищал «вольнодумство», т. е. право народа на свободу мысли. Он хорошо ощущал и могучую силу народного негодования, которую так себе представлял:

«Этому вольнодумству правительство не дает ни малейшего выхода: оно думает, что для него довольно подавить его тотчас, как скоро оно обнаружится. Но правительство не хочет знать, что этот род вольнодумства, если он иногда и обнаруживается под пером писателей или в обществе высшего круга, то это только искры из того пламени, который кроется в недрах земли, во чреве Эреба»¹²⁵. (Подчеркнуто нами.— И. Л.)

К этому же времени относится также заинтересованность И. Лобойко польским восстанием 1830—1831 гг. и его связями с декабристским движением¹²⁶.

Все эти факты говорят об одном, а именно о том, что идейно-политические взгляды И. Лобойко накануне отмены крепостного права в России эволюционируют в положительном направлении. Это можно объяснить следующим: во-первых, после выхода в отставку он не испытывал постоянного «покровительства» и контроля своих действий со стороны царской администрации, как это было в Вильнюсе; во-вторых, поселившись в провинциальной местности Латвии, он приблизился к жизни народных масс, получил возможность наблюдать ее непосредственно и, в-третьих, он должен был переживать немалую обиду по поводу того, что, невзирая на все его заслуги, не был допущен к работе в научных учреждениях столицы и в самом расцвете своих творческих сил был забыт.

Судя по его последнему послужному списку, к началу работы в Вильнюсской духовной академии (т. е. к концу 1833 года) у него, а также и его жены уже не было никакого недвижимого имущества¹²⁷. Можно предполагать, что, работая в Вильнюсе, он перестал быть крепостником (раньше за ним числилось небольшое имение).

¹²² Там же, ед. хр. 44.

¹²³ Там же, лл. 3—3-об.

¹²⁴ Там же, ед. хр. 47.

¹²⁵ Декабристы и их время, стр. 23—24.

¹²⁶ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 58.

¹²⁷ Архив ОИДР, ф. 205, ед. хр. 640, л. 2.

Опозиционностью по отношению к царской администрации и видным ее представителям (к Новосильцеву и др.) и солидарностью с вильнюсской филломатско-филаретской молодежью, пострадавшей от этой администрации, характеризуются уже упомянутые мемуары И. Лобойко о революционных выступлениях в Вильнюсе. Эти воспоминания, по сути дела являющиеся приговором национальному гнету, осуществляемому царским правительством, также относятся к последним годам жизни И. Лобойко.

Таким образом, идейно-политические позиции И. Лобойко в 40—50-х годах XIX века отмечены ясным пониманием того, что изменения в общественно-политическом строе России являются неизбежными. Накануне падения крепостного права, как и во время своей деятельности в Вильнюсе, он, хотя и не открыто, сочувствовал декабристам, филломатам и другим «вольнудумцам», борющимся за политическую свободу. Следовательно, И. Лобойко испытывал определенное воздействие декабристских идей вплоть до самого конца своей жизни.

5. Отношение И. Лобойко к литовскому народу

Профессор древнего Вильнюсского университета Иван Николаевич Лобойко большую часть своей жизни (около 20 лет) провел в Литве, которая, по словам А. Мицкевича, стала для него «новой родиной»¹²⁸. Он внес свой вклад в дело развития науки и культуры этого края.

В первую очередь следует особо подчеркнуть само отношение И. Лобойко к литовскому народу. Хорошо известно, что мало кто из видных ученых Вильнюсского университета того времени проявил интерес к самобытной жизни литовского народа. Большинство этих ученых было сторонниками польско-литовской унии и считали литовцев поляками «литовского происхождения». Отсюда вытекало и хладнокровное отношение этих ученых к национальной культуре и к судьбам литовского народа. И. Лелевель и многие другие ученые Вильнюсского университета в основном интересовались только прошлым Литвы. Поэтому совсем не случайно они не поддерживали почти никаких непосредственных связей с литовскими деятелями культуры и писателями, мало способствовали зарождению литовской национальной культуры. Совсем иным было отношение И. Лобойко к литовцам. Он считал литовский народ самобытным и имеющим право на национальную культуру и литературу. В этом отношении он был одним из первых ученых не только в России, но и за границей, которых, наряду с прошлым литовского народа, волновало также его настоящее и будущее.

И. Лобойко живо интересовался развитием литовской национальной культуры и литературы. Он был близко знаком с литовскими писателями и деятелями культуры того времени: с Д. Пошкой, С. Станявичюсом, братьями Незабитаускасами и др. Такое внимание, уделяемое русским ученым литовскому народу и только что начинавшей зарождаться его национальной литературе, вызывало у деятелей культуры Литвы признательность и вдохновляло их на новые достижения. В этом отношении характерно предисловие Кипр. Незабитаускаса к его переводной книжке о пчелах, в котором автор благодарит Н. Румянцеву за его старания спасти литовский язык от гибели и за «поручение этого дела многим литераторам (т. е. ученым.— И. Л.), среди которых мы находим и такого мужа, как проф. Лобойко»¹²⁹.

¹²⁸ См. А. Mickiewicz, *Dziela*, t. XIV, Warszawa, 1955, str. 247.

¹²⁹ А. Gerulaitis (J. Jablonskis), *Du Nezabitauskiu.*—„Varpas“, 1893, Nr. 12, p. 183.

О том, что И. Лобойко способствовал развитию литовской науки и культуры, свидетельствует и такой факт. В своем письме от 30 марта 1824 года к Н. Румянцеву¹³⁰ он сообщает, что направил адресату 5 экз. только что изданного литовского букваря Кай. Незабитаускаса с приложением первого библиографического списка литовской литературы. Автор письма рассказывает дальше о своих взаимоотношениях с Кай. Незабитаускасом и С. Станявичюсом, которым он советовал заняться собиранием литовских песен и новых жемайтйских стихотворений. По мнению И. Лобойко, они могли бы быть опубликованы с дословным переводом на польский или русский языки.

Кроме того, упомянутое письмо И. Лобойко свидетельствует еще и о том, что он изучал литовский язык¹³¹, сопоставляя его с финским языком, обнаруживая при этом сходство некоторых литовских и финских слов. То, что И. Лобойко усиленно занимался различными вопросами исследования литовского языка, подтверждает также письмо этнографа З. Ходаковского. Автор письма обращается к И. Лобойко с просьбой помочь ему выяснить границу, разделяющую белорусский и литовский языки¹³².

И. Лобойко заботился о печатании литовских книг. Руководители Вильнюсского университета, будучи ярыми сторонниками польско-литовской унии и опояхивания литовского народа, препятствовали печатанию книг на литовском языке. И. Лобойко пытался добиться выделения цензора для проверки литовских изданий. По его мнению, литовский язык заслуживал особого покровительства со стороны государственной власти¹³³. Но реакционное руководство университета отрицательно отнеслось к ходатайствам И. Лобойко.

Таким образом, вопросами, касающимися литовского языка, в Вильнюсском университете, где в то время не было соответствующей кафедры, наряду с К. Контримом занимался и И. Лобойко.

На фоне всех этих фактов возникает предположение, что и записка библиотекаря Вильнюсского университета К. Контрима по вопросу основания кафедры литовского языка в данном университете, подготовленная им в 1822 году попечителю учебного округа Чарторискому¹³⁴, и другие проекты по расширению университета¹³⁵, направляемые попечителю этим же библиотекарем, появлялись не без поддержки со стороны И. Лобойко, который, едва прибыв в Вильнюс, мечтал о том, как вызвать среди литовцев массовое движение по изучению памятников литовского языка¹³⁶. И. Лобойко как языковед большой эрудиции, по видимому, вынашивал планы создания в Вильнюсском университете крупного лингвистического центра и в этих целях использовал близкие отношения К. Контрима с Чарториским. Очевидно не случайным является и тот факт, что записки-проекты К. Контрима стали появляться весной 1822 года, т. е. с началом научной деятельности И. Лобойко в Вильнюсском университете.

И. Лобойко изучал также историю, археологию и этнографию Литвы, привлекая к этой работе студентов и деятелей литовской культуры. Кроме указанной выше работы «Вильна, столица Западной

¹³⁰ Н. Григорович, Переписка Григоровича с графом Н. П. Румянцевым, стр. 39—43.

¹³¹ О своем желании овладеть литовским языком И. Лобойко писал Н. Румянцеву также в письме от 2 ноября 1822 года. См. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, стр. 10-об.

¹³² „Dziennik Wileński“, 1822, t. I, str. 541.

¹³³ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 41-об.

¹³⁴ S. Pigón, Z dawnego Wilna, Wilno, 1929, str. 26—28.

¹³⁵ Там же, стр. 24—25.

¹³⁶ ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 33-об.

России и Киевской Митрополии», И. Лобойко оставил большое количество выписок из источников по истории Литвы («Исследования о Литве»¹³⁷).

Особенно большой заслугой И. Лобойко следует считать то, что он на протяжении своей двадцатилетней научной работы впервые по-настоящему познакомил общественность Литвы с русским языком и литературой, с русской наукой и культурой. Этим он способствовал развитию литовской национальной культуры и литературы и заложил основу для сближения литовского народа с русским народом.

Научная деятельность И. Лобойко в Вильнюсе вписала его имя в историю литовской культуры, оставила, хотя и скромные следы, в отечественной науке.

Кафедра русского языка и литературы
Шауляйского педагогического института
им. К. Прейкшаса

Представлено
в марте 1965 года

I. N. LOBOIKOS GYVENIMAS IR MOKSLINĖ VEIKLA LIETUVOJE

J. LEBIONKA

Re z i u m ė

Straipsnyje nušviečiami kai kurie svarbesni Ivano Nikolajevičiaus Loboikos (1786—1861), Vilniaus universiteto ir kitų Lietuvos sostinės aukštųjų mokyklų profesoriaus, visuomeninės-politinės ir mokslinės veiklos klausimai.

Didelį poveikį Loboikos pasaulėžiūrai ir tolesnei veiklai turėjo Peterburge pragyventi 1816—1821 metai, kada jis aktyviai dirbo būsimųjų dekabristų vadovaujamoje „Laisvoje rusų literatūros mylėtojų draugijoje“ ir artimai bendravo su įžymiais dekabristais poetais, kurie bendradarbiavo jo redaguojamajame tos draugijos spaudos organe. Draugiški Loboikos ryšiai su K. Rylejevu ir kitais dekabristais byloja apie pastarųjų parodytą jam politinį pasitikėjimą ir pažangias literatūrines jo pozicijas.

Remiantis filomatų korespondencija, konstatuojama, kad jie buvo suinteresuoti Loboikos išrinkimu Vilniaus universiteto profesoriumi ir, galimas daiktas, per universiteto rektorių Malevskį, filomatų draugijos vice-prezidento tėvą, paveikė pačius rinkimus.

Tai, kaip dirbo, būdamas specialios komisijos slaptų studentiškų organizacijų veiklai ištirti nariu, ir ypač tai, kaip laikėsi filaretų bylos metu, rodo, kad I. N. Loboika simpatizavo jiems. Nepaisant viso to, Loboika niekuomet nebuvo revoliucionieriumi, visą gyvenimą išliko tik liberališkai nusiteikęs žmogus.

Literatūriniai I. N. Loboikos ryšiai su įžymiais savo metu rusų ir lenkų revoliucinio romantizmo atstovais — K. Rylejevu ir A. Mickevičiumi, entuziastingi jo atsiliepimai apie pastarojo poemą „Gražina“ duoda pagrindo teigti, kad profesorius buvo šios savo metu pažangiausios literatūrinės srovės šalininkas.

I. N. Loboika išspausdino keliolika straipsnių ir leidinių kalbos, literatūros, etnografijos ir kitais klausimais. Turtینگame jo rankraščių archyve, kuris saugomas Leningrade TSRS MA Rusų literatūros instituto rankraščių skyriuje, yra išlikę įdomūs bandymai parašyti pirmąją mokslinę rusų literatūros istoriją. Smulkus to veikalo planas ir išskirta jame žymi

¹³⁷ Библиотека императорского общества истории и древностей российских, М., 1845, стр. 46.

vieta tokiems rašytojams, kaip I. Krylovui, A. Gribojedovui, A. Puškinui ir kitiems, rodo, jog Loboika buvo aukštos mokslinės erudicijos ir turėjo savo laikams gana pažangų požiūrį į rusų ir pasaulinės literatūros raidą.

Loboika buvo vienas iš daugiau prityrusių senųjų rašytinių ir spausdintinių paminklų žinovų to meto Rusijoje. Jis peržiūrėjo Vilniaus universiteto bibliotekos rankraštyne buvusius senuosius raštus įvairiomis kalbomis ir svarbiausius iš jų aprašė. Už įžymius nuopelnus senųjų rašto paminklų tyrinėjimo srityje Loboika buvo išrinktas „Karališkosios šiaurės senienų draugijos Kopenhagoje“ tikruoju nariu (1825) ir „Istorijos bei rusų senienų draugijos prie Maskvos universiteto“ tikruoju nariu (1828).

Išleistas į pensiją, uždarius Vilniaus aukštąsias mokyklas, ir nepriimtas į Peterburgo mokslo įstaigas, Loboika gyvai domėjosi visuomeniniu-politiniu gyvenimu, ypač daug dėmesio skirdamas Vakarų Europos ir Rusijos revoliuciniams įvykiams, vertindamas juos iš savo įprastinių liberalinių pozicijų.

I. N. Loboika iš demokratinių pozicijų traktavo lietuvių tautą ir jos kultūrą, stengėsi konkrečiais veiksmais padėti formuotis nacionalinei lietuvių literatūrai, iškovoti prideramas teises lietuvių kalbai kultūriniame Lietuvos gyvenime.
